

Сексизм – еще одна проблема, с которой мы сталкиваемся в этой знаменитой истории. Гендерные роли здесь совершенно очевидны.

В то время как в этой маленькой девочке показан уязвимый, слабый, добрый и наивный человек, спаситель, убивший волка, изображается как мужественный герой.

Можно отметить в сказках иные и черты сексизма. Например, зачастую, у главных героинь нет матери, а сами они являются падчерицами. Что касается мачехи, то она изображается фактически как монстр.

В то время как отцов несчастные девушки обычно прощают за то, что они делают. Более того, главные героини в сказках всегда идеализированы. Гендерные роли сильно подчеркиваются в идеях и поведении женщин. Все девушки, как правило, хорошие и добрые, которые мечтают найти свою любовь, завести семью и т.п.

И здесь хочется задать вопрос: неужели для женщины единственной главной целью, подтверждающей успешность её жизни, является замужество?

Это не что иное, как стереотипы, что каждая девушка очень устала от своей обыденной жизни и только другой человек сможет «освободить» её из повседневной рутины. Сама же героиня должна оставаться пассивной в ожидании чуда.

Обычно сказки (книги, фильмы) помогают воспитывать здоровых, добрых детей с гибким и развитым умом. Через персонажей они узнают, что такое дружба, любовь, счастье и доброта.

К сожалению, некоторые сказки слишком жестоки для детской психики. Они проповедают насилие, и их влияние на детей очень ощутимо с точки зрения психологии.

На наш взгляд, все становится хуже, когда гендерная предвзятость проявляет себя в наших любимых сказках. Мужчин изображают как спасителей для женщин, которые неспособны что-либо сделать для себя. Эти гендерные роли, описанные в сказках, приводят только к агрессии в реальной жизни.

Женщины частично копируют поведение известных сказочных героинь.

Однако, не всё так плохо, но стоит понимать, что, несмотря на то, что сказки являются частью культурного наследия, они должны подвергаться цензуре.

Детская литература сама по себе подразумевает цензуру. Когда книги начинают писать специально для детей, самоцензура должна помешать автору писать об оскорбительных или сексистских вещах. В той или иной степени цензура происходит до того, как книга будет напечатана.

Заключение. Сказки превращаются в развлечение для детей. Хотя, стоит помнить, что большая доля вымысла лишает детей чувства того, что реально, а что нет.

Альберт Эйнштейн говорил: « Если вы хотите видеть своих детей умными – читайте им сказки. Если вы хотите, чтобы они были ещё более умными – читайте им больше сказок».

Поэтому, мы полагаем, сказки должны быть, потому что из них дети учатся, что они равны независимо от их пола, возраста или национальности.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗНОЙ СИМВОЛИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Я. БАРЩЕВСКОГО И Н. ГОГОЛЯ: КУЛЬТУРДИАЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Костевич Е.Ю.,

студентка 3 курса БГУ, г. Минск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Локтевич Е.В., ст. преподаватель

Восточнославянская культура отличается уникальностью мифологии, спецификой эстетики народных обычаев, индивидуальным характером взаимодействия фольклора и литературы. Таким образом, культур-диалог Беларуси и России способствует формированию общих художественных оснований, сходных представлений о значимости народных традиций и важности их преемственности. Однако между близкородственными литературами существуют и отличительные особенности, что обусловлено уникальным ходом истории, своеобразием географических условий, особенностями развития культуры, индивидуальным творческим мышлением писателей.

Актуальность исследования определена тем, что многие литературные явления (своеобразие параллелизмов и сравнений, идейность символа, духовность вечно мира, символика

цвета) в образной сфере произведений близкородственных литератур требуют детального концептуального осмысления и систематизации.

Цель исследования – изучить культурдиалогический аспект образной структуры «Шляхтича Завальни...» и «Вечеров...» и выявить художественные маркеры, соединяющие эстетические авторские интенции белорусских и украинских, русских и польских писателей.

Материал и методы. Разнообразие связей художественной реальности и бытия человека, испытывающего интерес к творческому и историческому опыту предков, побудило нас к интерпретации произведений писателей двух восточнославянских литератур. Мы обратимся к анализу книги «Шляхціч Завальня, або Беларусь ў фантастычных аповедах» Я. Барщевского и цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя. Немаловажно, что выбранные для анализа произведения не только характеризуются содержательным и идейным сходством, но и были созданы приблизительно в одно время. Это позволит осмыслить образную систему произведений в общем культурно-историческом контексте.

В статье были использованы универсальные (анализ, синтез, индукция и дедукция), эмпирические (сравнение, наблюдение, описание), теоретические (обобщение и классификация, системный подход) литературоведческие (сравнительно-сопоставительный, герменевтический) методы научного познания.

Результаты и их обсуждение. Исследовательский интерес к мифологии славянской культуры концептуально представлен в работах Ю.М. Лотмана [9], А.Ф. Лосева [11], А.Н. Веселовского [3], А.Н. Афанасьева [1], М.Л. Гаспарова [6], В.В. Адамчика [2] и др. Изучением мифологии и фольклора в произведении Я. Барщевского занималась Т.И. Шамякина [13]. Обращение белорусских писателей к мифологическим и фольклорным сюжетам и образам анализируется в работе В.А. Коваленко [8]. Подробно изучал творчество белорусско-польского писателя М. Ховстович [12], который предложил авторскую трактовку произведения Я. Барщевского. На изучение фольклорной традиции в творчестве Н.В. Гоголя направлены работы С.Н. Зотова [7], С.А. Гончарова [5], Е.Е. Левкиевской [10]. Действия в исследуемых произведениях происходят на хуторе: у Н. Гоголя под таинственным названием Диканька, у Я. Барщевского – в усадьбе пана Завальни. Можно утверждать, что писатели выбрали это место неслучайно, так как **хутор** семантически связан с символикой **загадочности, тайны, ворожебы**: отдаленный от прямых **дорог**, на окраине **леса**, в **глуши**, с неизменным наличием водных источников (**реки** – у Н. Гоголя, **озера** – у Я. Барщевского).

Некоторые образы из книги Я. Барщевского перекликаются с образами «Вечеров...» в фольклорном аспекте. Сравним: 1) «*Няраз бачыў, як акурат апоўначы ў панскім пакоі гарэла святло, і ён там з чарнакніжнікам пастаянна быў нечым заняты; усе заснулі, і ціш панавала на панадворку, над дахам панскага жылля сюды і туды снавалі кажаны і нейкія чорныя птушкі. Сава, апусціўшыся на дах, то рагатала, то плакала, нібы немаўля. <...>.Страшна ўспомніць, гэта была велізарная жаба-рапуха. Яна кінула на мяне возненны позірк*» [14]; 2) «*Окошко все еще светилось <...> Вот отворилась без скрыта дверь. Входит кто-то в красном жупане и прямо к столу, накрытому белою скатертью. <...> Колдун стал прохаживаться вокруг стола, знаки стали быстрее перемещаться на стене, а нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед*» [4].

В этих двух историях выделяются несколько сходных черт. Во-первых, сама ситуация: человек подглядывает в чужое окошко за кем-то и видит там нечто необъяснимое. Во-вторых, время суток – ночь. Дополнительные образы, придающие таинственную окраску выявленным образам и символам, у авторов тоже схожи: в «Шляхціче...» – это **кричащая сова, черные птицы**, в «Вечерах...» – **летающие нетопыри**.

Общие черты имеют и центральные персонажи, за которыми наблюдает читатель: **чернокнижник** и **колдун**. Для их описания писатели используют **красный / огненный** цвет, связанный тут с семантикой **колдовства, магии, злобы**: «*Пасцялі перад ім белую хустку*» [14]; «*Входит кто-то в красном жупане и прямо к столу, накрытому белою скатертью*» [4].

В «Шляхціче...» незнакомец сказал Семену прийти на Лосиную гору и постелить **белый платок** перед **ужом**, тогда тот даст ему **золота** и «подарит» успех в **охоте**. В «Вечерах...» **белая скатерть** фигурирует в доме **колдуна**, намеревающегося ее использовать для темных дел. Можно предположить, что символика **белой скатерти** восходит в данном случае к **пору-ганной чистоте, к невинной жертве**.

Заклученне. Реконструкцыя міра народных абразаў і сімвалаў паказала, што Я. Баршчэўскі і Н. Гоголь імкнуліся ў сваім творчэстве да сінтэзу фальклора і фантастыкі, элементаў сказкі, уключэнняў комічнага, лірычнага і трагічнага, ішлі рэалізацыі юморыстычнага патэнцыяла народных праданняў. Пісатэлі колорытна і жыво запечатлелі бытавыя бакі жыцця сярэдзіны XIX в. Даследаванне абразнай сімволікі ў творчэстве пісатэляў падтвэрджае, што гэтая мастацкая сфера ўсходнеславянскіх літаратур трэбуе большага навуковага аналізу з мэтай вызначэння ўнікальнасці культур-дыялога Беларусі, Расіі, Украіны і Польшы. Перспектывным нам відаецца многааспектнае даследаванне фальклорных абразаў, прадставленых у творчэствах Я. Баршчэўскага і класікаў рускай літаратуры.

1. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов / А. Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – 284 с.
2. Адамчик, В. В. Мифы Беларуси / В. В. Адамчик. – Минск: Харвест, 2014. – 320 с.
3. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
4. Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород: [Для сред. и ст. школ. возраста / Авт. послесл. Л. Савик] – Минск.: Нар. асвета, 1980. – 351 с.
5. Гончаров, С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С. А. Гончаров. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997. – 340 с.
6. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое лит. обозр., 1996. – 352 с.
7. Зотов, С. Н. Мифопоэтические мотивы в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» / С. Н. Зотов. – Волгоград: Полос, 1993. – 100 с.
8. Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 359 с.
9. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
10. Левкиевская, Е. Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии // Миф в культуре: человек не-человек. М., 2000. – 10 с.
11. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 422 с.
12. Хаўстовіч, М. Ян Баршчэўскі і літаратурна-грамадскі рух на Беларусі ў 30-40-я гг. XIX ст. // Шляхам стагоддзяў: Матэрыялы дзюво канферэнцыі аднаго года. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – С.115–121.
13. Шамякіна, Т. І. Міфалогія і беларуская літаратура / Т. І. Шамякіна. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. – 187 с.
14. coollib.net [Электронный ресурс] / Ян Баршчэўскі (Шляхціч Завальня, або Беларусь у фантастычных аповедах) – Режим доступа: <https://coollib.net/b/255509/read/> – Дата доступа: 08. 09.2018

ФРАЗЕАЛАГІЗМЫ З КАМΠΑНАНТАМІ “ЧОРНЫ”, “ЧОРНА” Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Краўцова Ю.С.,

*выпускніца ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік – Несцяровіч В.І., канд. філал. навук, дацэнт*

Актуальнасць выбранай тэмы абумоўлена павышанай цікавасцю лінгвістыкі да выяўлення семантычнай і культурнай адметнасці фразеалагізмаў з колераабазначальным кампанентам.

Мэта публікацыі – выяўленне функцыянальнай і семантычнай адметнасці фразеалагізмаў з кампанентамі “чорны”, “чорна” ў беларускай мове.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання сталі фразеалагізмы сучаснай беларускай літаратурнай мовы тыпу *чорная костка* ‘чалавек простага, нязнатнага паходжання’, *чорная кошка прабегла (перабегла)* ‘сапсаваліся адносіны паміж кім-н., хто-н. пасварыўся з кім-н.’, як <чорны> *вол* ‘з крайнім напружаннем сіл’ і да таго пад. Метады даследавання: апісальны, лексікаграфічны, статыстычны, семантыка-кампанентнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. У “Слоўніку фразеалагізмаў” І.Я. Лепешава [1] намі выяўлена 13 фразеалагізмаў з кампанентам-колераабазначэннем “чорны” і 1 – з кампанентам “чорна”. Назва колеру ў складзе фразеалагізмаў перадаецца пераважна прыметнікамі, якія маюць форму назоўнага (*чорны воран* ‘аўтамашына для перавозкі арыштаваных’), вінавальнага (*глядзець праз (цераз) чорныя акуляры* ‘не заўважаючы нічога добрага ў кім-, чым-н., чарніць, ганьбаваць каго-н., што-н.’), творнага (*чорным па белым* ‘вельмі дакладна, выразна, зусім пэўна, недвухсэнсава’) і меснага склонаў (*у чорным целе* 1. ‘надгаладзь, без дастатковага харчавання’; 2. ‘вельмі строга, сурова, абмяжоўваючы свабоду дзеянняў’). У адзінкавым выпадку назва колеру абазначаецца прыслоўем “чорна” – *чорна ў роце* ‘хто-н. вельмі злы, люты’. Перавага прыметнікаў-каларонімаў абумоўлена тым, што колеравыя лексемы выкарыстоўваюцца пераважна ў сваёй звычайнай функцыі і ў сваім звычайным граматычным афармленні. Акрамя гэтага, ужыванне прыметнікаў тлумачыцца агульнымі ўласцівасцямі гэтай часціны мовы, якія даюць магчымасць